

НА ПЕРВОЙ ПРЕМЬЕРЕ

ИЗ ПРОШЛОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕАТРА

В старой Москве считали два университета: один — на Моховой, другой — на Театральной площади. И подлинно в те времена Малый театр являлся как бы вторым университетом.

В свои студенческие годы я воспитывался в Малом театре, на игре замечательных артистов — М. Н. Ермоловой, Г. Н. Федотовой, Е. К. Лещинской, О. О. Садовской, А. П. Ленского, А. И. Южина и других. Как и многие другие, я старался не пропустить ни одной премьеры в Малом театре и у Корша, где в то время также была очень хорошая труппа.

Я уже окончил университет и работал ординатором в клинике профессора Остроумова (сейчас я являюсь директором этой клиники), когда прошлой зимой в Москве в ближайшее время откроется новый театр, во главе которого стоят любитель драматического искусства К. О. Алексеев (Станиславский) и литератор Вл. И. Немирович-Данченко.

Говорили о том, что эти энтузиасты с труппой учеников-любителей, в которой не было ни одного актера с именем, решили конспирировать о таких театрах, как Малый и Коршевский, мечтают об обновлении русского театра.

Интересный репертуар, объявленный организаторами нового театра, их смелые замыслы подогрели интерес к театру в самых разнообразных слоях общества. Как большой любитель театрального искусства я также интересовался им, конечно, не амедлил обеспечить себе место на открытии «Художественно-общедоступного театра».

14 октября 1898 года я отправился в Каретный ряд, в «Эрмитаж», где обесновался новый театр. В этот день на сцене театра давалась трагедия А. К. Толстого «Царь Федор Иоаннович».

В фойе — масса народа. Необычное началось еще до того, как мы увидели действие на сцене. Зрите-

ли были очень смущены тем, что на места они созывались не звонками, а ударами китайского гонга.

В артельном зале тоже нововведение — раздвижной занавес. До этого дня в русских театрах занавес поднимался.

Спектакль начался. И сразу же на меня повеяло чем-то новым, свежим. В этом спектакле поражало буквально все. И в первую очередь — толпа, т. е. массовые сцены. Сейчас это уже обычное. Но для зрителя тех дней это было что-то невиданное.

Мне казалось, что до этого в театре, чтобы показать, например, толпу бояр, для статистов заказывали 10 бород черных, 10 бород рыжих и т. д. Эти бороды с большей или меньшей аккуратностью приклеивались, и грим был готов. Одевали толпу во что попало. Да ведь никто, собственно, и не смотрел на статистов — все они были на одно лицо. Зрители смотрели только на игру известного актера или актрисы.

В «Художественно-общедоступном театре» произошло совершенно невероятное. Меня, да и многих других, в первую очередь поразила именно эта толпа. Все было сделано так, что каждый отдельный статист на сцене был индивидуален, самостоятелен, был подлинным, живым человеком. Казалось, что его борода росла навсегда, что он будто бы всю жизнь носит вот эти роскошные борские одеяния. Каждый в толпе бояр и выборных жил своей жизнью, и в то же время толпа шла вместе, представляла собой единое целое.

По ходу действия исполнители располагались на сцене так, как это им было необходимо для того, чтобы все происходящее на сцене казалось еще более правдивым. Это тоже было новостью. В других театрах артист не мог становиться спиной или боком к зрительному залу.

В антрактах в фойе стояло буквально шмельное жужжание. Зрители были возбуждены и оживленно обсуждали виденное на сцене.

Помню, как захватила меня замечательная, исключительно душевная игра в роли царя Федора тогда еще совсем молоденького И. М. Москвина. А разве можно было оторваться от А. Л. Вишняковского, исполнявшего роль Бориса Годунова, — ведь это был настоящий железный властитель — или В. В. Лужского, О. Л. Книппер!

До этого знаменательного спектакля я, посещая Малый или Коршевский театры, как отлично ни играли там первые актеры, знал, что я в театре.

14 октября 1898 года на спектакле «Царь Федор» я забыл о том, что сижу в театре и что идет представление. Казалось, что я вижу настоящего покой Годунова или царя у Шуйского, казалось, что это не театр, а подлинная жизнь, в которую меня ввели, притворяясь четвертым стулом.

Для меня, как и для большинства людей, бывших на открытии Художественного театра, сразу же стало ясно, что возник театр, у которого огромное будущее.

Первый спектакль Художественного театра буквально ошеломил меня. И с тех пор я — дерзкий, преданный его поклонник и бесстрашный посетитель почти всех премьер этого замечательного русского театра.

Д. БУРМИН,

засл. деятель науки, профессор.